

Научная статья

УДК 343.36

DOI: <https://doi.org/10.24866/VVSU/2073-3984/2022-2/123-133>

Эволюция легализации преступлений против правосудия в российском уголовном законодательстве

Верещагина Алла Васильевна

Владивостокский государственный университет экономики и сервиса

Владивосток. Россия

Аннотация. С зарождения государственно-организованного общества появляются нормы, обеспечивающие авторитет агентов власти и результатов их деятельности. Глава 31 Уголовного кодекса (УК) Российской Федерации 1996 г. содержит систему уголовно-правовых запретов, направленных на защиту общественных отношений в сфере отправления правосудия. Исследователи критикуют подход законодателя к формированию содержания главы 31 УК РФ, которое существенно отличается от ранее действовавших в России уголовных законов. Предметом исследования являются уголовно-правовые нормы источников российского права, которые обеспечивали и обеспечивают охрану общественных отношений в сфере отправления правосудия. Цель исследования – выявить закономерности развития и наиболее удачные приёмы применявшейся законодательной техники при закреплении норм о преступлениях против правосудия. Исследование проведено с соблюдением принципов всесторонности, объективности, историзма, плюрализма и с применением методов историко-генетического, хронодискретного, компаративного и формально-логического. С момента формирования государственно-организованного общества появляются нормы, направленные на обеспечение авторитета правосудной деятельности. В развитии российского института преступлений против правосудия можно выделить несколько периодов – земский, московский, имперский, советский и современный. Наиболее удачная модель главы преступлений против правосудия была закреплена в Уголовном уложении 1903 года. Эта модель в наибольшей степени соответствовала сути понятия «правосудие». Содержание главы 31 в Уголовном кодексе РФ сформировалось под воздействием социальной ситуации 90-х годов XX века. Ретроспектива развития российского уголовного законодательства о преступлениях против правосудия подтверждает обусловленность нормативной регламентации социально-экономическим контекстом, включая идеологию государственного строительства.

Ключевые слова: преступления против правосудия, Русская Правда, Судебник Ивана III, Судебник Ивана IV, Соборное уложение, Уложение о наказаниях уголовных и исправительных, Уголовное уложение.

Для цитирования: Верещагина А.В. Эволюция легализации преступлений против правосудия в российском уголовном законодательстве // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. 2022. № 2. С. 123–133. DOI: <https://doi.org/> <https://doi.org/10.24866/VVSU/2073-3984/2022-2/123-133>.

Original article

Evolution of legalization of crimes against justice in Russian Criminal Law

Alla V. Vereshchagina

Vladivostok State University of Economics and Service

Vladivostok. Russia

Abstract. From the moment of the birth of a state-organized society, norms appear that ensure the government agents authority and the their activities results. Chapter 31 of the Criminal Code of the Russian Federation of

1996 contains a system of criminal law prohibitions aimed at protecting public relations in the administration of justice. Researchers criticize the legislator's approach to the formation of the content of Chapter 31 of the Criminal Code of the Russian Federation, which differs significantly from the criminal laws previously in force in Russia. The study subject is the criminal law norms of the sources of Russian law, which provided and provide protection of public relations in the field of administration of justice. The purpose of the study is to identify the patterns of development and the most successful methods of the legislative technique used in fixing the norms on crimes against justice. The research was conducted in compliance with the principles of comprehensiveness, objectivity, historicism, pluralism and using the methods of historical-genetic, chronodiscret, comparative and formal-logical. Since the formation of a state-organized society, norms have been emerging aimed at ensuring the authority of judicial activity. In the development of the Russian institute of crimes against justice, several periods can be distinguished – Zemstvo, Moscow, imperial, Soviet and modern. The most successful model of the head of crimes against justice was fixed in the Criminal Code of 1903. This model most closely corresponded to the essence of the concept of "justice". The content of Chapter 31 in the Criminal Code of the Russian Federation was formed under the influence of the social situation of the 90s of the XX century. A retrospective of the development of Russian criminal legislation on crimes against justice confirms the conditionality of regulatory regulation by the socio-economic context, including the ideology of state-building.

Keywords: crimes against justice, Russian Truth, Code of Laws of Ivan III, Code of Laws of Ivan IV, Cathedral Code, Code of Criminal and Correctional Punishments, Criminal Code.

For citation: Vereshchagina A.V. Evolution of legalization of crimes against justice in Russian Criminal Law // The Territory of new opportunities. The Herald of Vladivostok State University of Economics and Service. 2022. № 2. P. 123–133. DOI: <https://doi.org/10.24866/VVSU/2073-3984/2022-2/123-133>.

Введение

Глава 31 «Преступления против правосудия» Уголовного кодекса РФ 1996 г. (далее – УК РФ) имеет ряд недостатков, обусловленных в том числе социально-экономическим контекстом подготовки нормативного правового акта. Следствием специфических условий работы над УК РФ стало появление «однотипных» дублирующих составов преступлений, не совсем соответствующих объекту уголовно-правовой защиты, являющемуся основным критерием структуризации Особенной части УК РФ и др. Представляет интерес эволюция криминализации деяний против правосудия в России. Исследование имеет, на наш взгляд, не только когнитивное, но и прикладное значение. Выявление приёмов конструирования глав, посвящённых преступлениям против правосудия, позволит определиться с желательной корректировкой аналога в действующем уголовном законе.

Цель исследования – изучить развитие формирования системы преступлений против правосудия в России в ретроспективе. Для достижения поставленной цели необходимо решить ряд задач: 1) дать периодизацию развития законодательства о преступлениях против правосудия; 2) определить круг нормативных правовых актов, положения которых в наибольшей степени повлияли на становление института преступлений против правосудия; 3) выявить в источниках права (недействующих и действующих) уголовно-правовые запреты, направленные на защиту правосудной деятельности; 4) дать оценку изменениям содержания института преступлений против правосудия.

Предмет исследования – система норм, закрепляющих преступления против правосудия.

Методы исследования. Отбор методов обусловлен целью, задачами и предметом исследования. При проведении исследования автор опирался на научные принципы познания – всесторонности, объективности, историзма, плюрализма и

т.д. и использовал историко-генетический, хронодискретный, компаративный и формально-логический методы.

Основная часть

Обширный массив материала, лежащий в основе любого историко-правового исследования, предполагает в целях упорядочения информации использовать периодизацию развития рассматриваемого явления. На наш взгляд, наиболее корректной является периодизация дореволюционных учёных, которые развитие внешней формы права Российской империи по критерию характера общественных отношений делили на земский, московский и имперский периоды. Основываясь на таком подходе, после 1917 г. можно выделить ещё советский и постсоветский периоды. В рамках ограниченного объёма публикации не представляется возможным проанализировать через призму цели исследования все имевшиеся и имеющиеся в России нормативные правовые акты, в которых содержатся положения, ограждающие правосудную деятельность. Поэтому внимание уделено только таким источникам права, которые, по нашему мнению, в большей степени повлияли на развитие института преступлений против правосудия.

I. Земский период (до конца XV века). Система источников права земского периода отличалась немногочисленностью, доминированием казуальных предписаний, заимствованных из обычаев древних славян. К наиболее значимым для развития института преступлений против правосудия можно отнести Русскую Правду, некоторые уставные грамоты, Псковскую и Новгородскую судные грамоты.

С момента появления писаных источников права формулируются уголовно-правовые запреты, охраняющие государство и его отдельные институты. Например, в Русской Правде устанавливались повышенные штрафы за убийство тиуна, дифференцировавшиеся в зависимости от занимаемого им места в судебной иерархии (ст. 9–11 Русской Правды по Карамзинскому списку) [10]. В древних государственных образованиях подобные уголовно-правовые запреты не увязывались исключительно с социальной ценностью суда для государственно-организованного социума. Скорее, эти запреты связаны с укреплением авторитета правителя (у древних славян князя), отправление правосудия для которого было прерогативой наряду со сбором налогов, являвшимися двумя основными равноценными составляющими «...реальной, а не мнимой власти...» [7, с. 16].

Нормы, направленные на защиту правосудной деятельности, можно найти практически во всех последовавших за Русской Правдой памятниках русского права. В позднеземский период, когда постепенно усиливается влияние Московского княжества, развивается система уставных грамот для территорий, которые либо частично, либо полностью признавали юрисдикцию Московского князя. Так, в Двинской уставной грамоте, дарованной двинянам Великим князем московским Василием Дмитриевичем, закреплено положение об ответственности за бесчестье («излает» – оскорбит) и побои, но не в зависимости от места в иерархии администрации князя, как это имело место в Русской Правде, а «по отечеству», т.е. родovitости потерпевшего [4, с. 339, 341; 9, ст. 2].

В Псковской судной грамоте по поводу защиты правосудной деятельности есть несколько норм [13]. Одна из них декларативная, призывающая судей судить справедливо и по присяге. Однако ответственность за неправосудные решения не закреплялась; указывалось лишь, что судье будет «Бог судьей в страшный день второго пришествия Христова». Две нормы направлены на поддержание авторитета суда и содержат серьёзные наказания (ст. 58 и 111 Псковской судной грамоты). За нарушение правила о недопустимости присутствовать в судебном заседании («судебной горнице») иным, кроме тяжущихся¹, лицам, если предпринимались попытки насильно проникнуть в судебную горницу и (или) наносились удары привратнику (приставу), то на нарушителя надевались колодки и с него взыскивали 1 и 10 рублей пени соответственно в пользу князя и привратника. Попытка ударить в судебном заседании противника наказывалась взысканием 1 рубля в пользу обиженного и пени в пользу князя (в норме размер пени в пользу князя не указан, возможно, это также 1 рубль по аналогии с нормой ст. 58). При отсутствии у виновного средств для выплаты пени, он «выдавался головой». Если сопоставить размер пени в нормах ст. 58 и 111 Псковской судной грамоты, то становится очевидным, что более серьёзное наказание следовало за причинение вреда приставу, нежели частному лицу. Таким образом, уже в то время складывается подход, содержащийся в действующем уголовном законодательстве: закрепление более жёстких санкций по преступлениям в отношении представителей власти.

Новгородская судная грамота содержит прообраз принципов осуществления правосудной деятельности – законности и равенства всех перед законом и судом (принимать решения «по святых отец правилу, по манакануну, а судити ему всех равно, как боярина, так и житьего, так и молодчого человека») (ст. 1) и закрепляющую ответственность за клевету («наводки»²) на судей и других участников процесса (ст. 6). Причём размер взыскиваемого штрафа с учётом их материального положения был больше для привилегированных слоёв населения: с боярина взыскивалось 50, с житьего – 20, а с молодшего – 10 рублей [14, с. 121]³.

Таким образом, уже в земский период появляются нормы, ограждающие правосудную деятельность. Законодательство содержит зародыши трёх групп уголовно-правовых запретов: 1) декларирующие особое значение правосудной деятельности и основные начала её осуществления (ст. 58 Псковской судной грамоты и ст. 1 Новгородской судной грамоты); 2) ограждающие от различных противоправных проявлений судью – нанесения физического вреда здоровью,

¹ Участие в деле представителей наряду с тяжущимися допускалось только для определённых категорий лиц – женщины, дети, монахи, имеющие проблемы со слухом, зрением и т. п.

² Наводка – клевета.

³ Боярин – человек, находящийся на службе у князя, занимающий высшие правительственные должности по назначению князя, местная правительственная знать; житье (житье) – среднее сословие, стоявшее между боярами и молодчими (чёрными) людьми; молодчие – мелкие ремесленники и рабочие, работавшие по найму у бояр и житьих // В.О. Ключевский. Курс русской истории. – Санкт-Петербург, 1904. – Лекция 24. – 1146 с.

оскорбления и клеветы (ст. 9–11 Русской Правды; ст. 2 Двинской уставной грамоты; ст. 6 Новгородской судной грамоты); 3) обеспечивающие соблюдение установленной процедуры (ст. 58, 111 Псковской судной грамоты).

II. Московский период. «Возвышение» Московского княжества побудило принятие Судебника Ивана III 1497 г. [15, с. 82–108; 82, 89, 107]. В этом акте регламентации правосудной деятельности уделяется большее внимание. Можно выделить несколько нормативно-оформленных аспектов: 1) запрет на некоторые неправосудные действия должностных лиц (подобие должностных правонарушений): не брать вознаграждений; никому не содействовать в принятии определённых решений; не мстить судом (ст. 1). Следует отметить, что в норме ст. 1 не указано никаких неблагоприятных последствий за несоблюдение запрета; 2) фиксация последствий вынесения неправосудного решения – правая грамота, вынесенная «не по суду», признавалась не имеющей силы, и стороны возвращались в первоначальное положение (ст. 19); 3) закрепление норм о собственно преступлениях против правосудия, т.е. тех действий участников процесса, недолжностных лиц, которые влияют на содержание постановляемого решения. Таковы положения ст. 67: недопустимость дачи взяток судьям и ложных показаний. Если впоследствии устанавливался факт ложных показаний, то с такого свидетеля взыскивали размер иска («все истцовы потери») и понесённые истцом судебные издержки.

Как следует из изложенного, в Судебнике Ивана III можно усмотреть контуры современного подхода к структурированию преступлений против правосудия, в системе которых можно выделить совершаемые должностными лицами, участвующими в правосудной деятельности, и преступлений иных лиц, влияющих различными способами на правосудную деятельность и доказательственную информацию [11, с. 4, 5; 12, с. 233, 234; 16, с. 398–402].

Намеченные в Судебнике 1497 г. положения получили развитие в Судебнике Ивана IV 1550 г. [8, с. 117–181]. Запрет на получение посулов, вынесение ангажированных решений («по дружбе») законодатель дополнил несколькими моментами (ст. 1, 99):

1. Различением двух видов неправосудных решений – постановленных не намеренно («без хитрости») и в результате получения посула. В первом случае стороны возвращались в первоначальное положение и пени с судей не взымались, во втором – с виновных взыскивалась цена иска, пошлина, процессуальные издержки и пеня, размер которых устанавливался непосредственно государем (ст. 2, 3).

2. Появлением новых видов правонарушений, направленных на ограждение правосудной деятельности: а) фальсификация материалов дела (ст. 4, 5, 69); б) ложный донос на представителя администрации (боярина, окольничего, дворецкого и др.), каравшийся не только возмещением причинённого вреда, но и битьём кнутом, и помещением в тюрьму (ст. 6); в) неразрешение жалобы, за что виновный подвергался опале (ст. 7); г) злоупотребление правом, проявлявшееся в безосновательном обжаловании постановленного решения государю или в принятием решения в отношении лица без суда; в обоих случаях подозреваемых

направляли в тюрьму (ст. 7, 71); д) завышение судьями в своих интересах пошлин за совершение различных процессуальных действий (ст. 8–11).

3. Конкретизацией способов совершения правонарушения. Например, декларированную в Судебнике 1497 г., недопустимость дачи и получения взяток дополнили ответственностью за посредничество в совершении этого преступления (ст. 32).

Из перечисленных правонарушений особо отметим злоупотребления правом как должностными, так и частными лицами. Эта проблема актуальна и сейчас и активно дискутируется исследователями [1–3, 5].

Кроме изложенного следует отметить, что в сравнении с Судебником 1497 г. в Судебнике Ивана IV законодатель предпринял попытку несколько норм о правонарушениях против правосудия изложить компактно в начале нормативного правового акта (ст. 1–11), что может быть расценено как придание особой значимости правосудной деятельности и её надлежащего осуществления.

Значительное внимание преступлениям против правосудия уделено в главе X «О суде» Соборного уложения [15]. Однако здесь не следует заблуждаться, несмотря на название. Глава X эклектична. В ней содержатся не только уголовно-правовые запреты, обеспечивающие правосудные решения (например, ст. 5 об ответственности судей за вынесение решения «...по посулом или по дружбе, или по недружбе...»), но и регламентирующие последствия необходимой обороны, угрозы уничтожения имущества поджогом и пр. (ст. 200, 202 и др.), процессуальные (недопустимость разрешения дел в воскресные дни – ст. 25), а также гражданско-правовые нормы о договорах займа, поручительства, хранения и пр. (ст. 197, 205, 206).

III. Имперский период. В первом кодифицированном уголовном законе самостоятельного раздела, посвященного преступлениям против правосудия, не было, что соответствовало особенностям управления в Российской империи, в соответствии с которыми не выделялись относительно самостоятельные системы законодательных, исполнительных и судебных органов власти. Управленческая деятельность была неким монолитом, направленным на достижение благосостояния государства. Однако это не означает, что отсутствовала уголовно-правовая защита общественных отношений, возникающих при отправлении правосудия. В разделе 4 «О преступлениях и проступках против порядка управления» Уложения о наказаниях уголовных и исправительных [23] (далее – Уложение 1845 г.) дореволюционный законодатель сосредоточил различные составы преступлений, в том числе против правосудия. Так, в главе 1 «О сопротивлении распоряжениям правительства и неповиновении установленным от онога властям» раздела четвертого закреплялась ответственность за сопротивление исполнению судебных определений или иных постановлений и распоряжений властей (ст. 291), в главе 2 «Об оскорблении и явном неуважении к присутственным местам и чиновникам при определении должности» – ответственность за явное неуважение к присутственному месту, побои, насильственные действия, оскорбление чиновника при исполнении обязанностей службы и др. (ст. 309, 312, 313).

Повторимся, такая группировка уголовно-правовых норм соответствовала основным началам организации власти в Российской империи, в которой до проведения судебной реформы 1864 г. судебные органы не вычленились из системы органов исполнительной ветви власти.

Впервые в истории российского уголовного права специальная глава 7 «О противодействии правосудию» появилась в Уголовном уложении 1903 г. [17]. Особенность главы 7 заключается в том, что в ней закреплялись только преступления, затрудняющие вынесение правосудного решения: заведомо ложное сообщение о совершении преступления; заведомо ложный донос; дача ложных показаний; фальсификация доказательств (ст. 156–159) и т.п., что, на наш взгляд, соответствует понятию «правосудие» – деятельность по разрешению различных видов споров в соответствии с законом. Кроме того, в главе 6 «О неповиновении власти» содержались преступления, направленные на защиту уважительного отнесения к присутственным местам и личности должностных лиц, включая магистратуру (судейское сообщество).

Таким образом, в начале XX века апробирован дуалистический, намеченный ещё в земский период, подход, сочетавший поддержание авторитета власти и её агентов вне зависимости от характера выполняемых функций и обеспечивающий вынесение правосудных решений (соответственно главы 6 и 7 Уголовного уложения 1903 г.). Такая регламентация представляется оптимальной, поскольку исключает тиражирование уголовно-правовых запретов в зависимости от того, к какой ветви власти относится должностное лицо, и облегчает квалификацию действий, и соответствующей содержанию понятия «правосудие» в узком смысле слова – как деятельности по вынесению законных, обоснованных и мотивированных решений.

IV. Советский период. В советский период законодатель вернулся к модели регламентации, сложившейся в Уложении 1845 г., включив в главу 1 «Государственные преступления» часть 2 «Преступления против порядка управления», в которой зафиксировал как уголовно-правовые запреты, умаляющие авторитет различных органов и должностных лиц, так и собственно преступления против правосудия в узком смысле слова [19]. Эта конструкция, на наш взгляд, в ухудшенном, но соответствовавшем идеологии государственного строительства и господства государственной собственности в СССР варианте содержится в Уголовном кодексе РСФСР 1926 года (под нарушением порядка управления понимались даже такие, казалось бы, не имеющие отношение к управлению, преступления, как рубка леса в пределах запретных полос, установленных в составе водоохранной зоны; производство промысла морских котиков и морских бобров в открытом море; производство охоты в запрещённых местах (ст. 85, 86, 86-1 и т.п.)) [20].

Возврат к подходу, апробированному в Уголовном уложении 1903 г., фактически произошёл с принятием Уголовного кодекса РСФСР 1960 г. [18], в котором восстановили самостоятельную главу «Преступления против правосудия», первоначальная редакция которой была подобна имевшейся в начале XX века.

V. Постсоветский период. С конца 80-х годов XX века происходит трансформация системы уголовно-правовых запретов главы «Преступления против

правосудия» в УК РСФСР 1960 г. Причинами этому, как представляется, стали процессы либерализации и обусловленные ими декларации о необходимости создания независимой судебной власти, как одного из средств демократизации общества, соблюдения прав и свобод личности, а также достаточно сложная криминогенная обстановка. В результате в данной главе появляются составы преступлений, в большей степени связанные не с вынесением правосудных решений, а с поддержанием авторитета судов и судей. Например, угроза или насильственные действия в отношении судьи, должностного лица правоохранительного или контролирующего органа и их близких родственников; оскорбление судьи, народного или присяжного заседателя в связи с их деятельностью по осуществлению правосудия (ст. 176.2, 176.3 УК РСФСР) [22].

Сложившаяся в конце 80-х – начале 90-х гг. XX века конструкция главы 8 «Преступления против правосудия» «перекочевала» в действующий уголовный закон (глава 31) [18]. Думается, обстоятельством, обусловившим содержание главы 31 и структуру Особенной части УК РФ, является попытка законодателя сгруппировать нормы о преступлениях против представителей государства сообразно принципу разделения властей, что привело к дублированию практически одинаковых уголовно-правовых запретов, например предусмотренных ст. 277, 295, 317 УК РФ, закреплению конкурирующих составов (пункт «б» части 2 ст. 105 и 297 УК РФ), к усложнению правоприменения при выборе верной нормы для квалификации действий лица и в конечном счете к искажению понятия «правосудие» как деятельности по вынесению законных, обоснованных и мотивированных решений.

Заключение

Изложенная ретроспектива законодательства о преступлениях против правосудия свидетельствует о взаимной связи социального контекста, идеологии государственного строительства и нормативной регламентации. В развитии института преступлений против правосудия можно выделить пять этапов: земский, московский, имперский, советский и постсоветский. С момента появления государственно-организованного общества у славян начинается легализация уголовно-правовых запретов, направленных на ограждение правосудной деятельности. В конце земского периода наметились контуры системы преступлений против правосудия. Наиболее удачная, соответствующая содержанию понятия «правосудие», модель появилась в Уголовном уложении 1903 г., что неслучайно, поскольку она стала результатом сочетанного поступательного и последовательного развития научной мысли, законодательного опыта и правоприменения. В советское время в УК РСФСР 1960 г. после поисков законодательного решения также возобладал подход, содержащийся в Уголовном уложении 1903 г. Имеющаяся система норм главы 31 УК РФ сложилась под воздействием двух основных моментов: стремление законодателя последовательно реализовать в систематизации норм Особенной части принцип разделения властей и попытки нормативными средствами обеспечить авторитет судебной власти и безопасность участников правосудной деятельности. Однако имеющаяся конструкция главы 31 УК РФ не вполне соответствует содержанию понятия «правосудие», а

попытка систематизировать некоторые нормы с учётом принципа разделения властей привела к дублированию уголовно-правовых запретов и усложнению правоприменения.

Список источников

1. Азаров В.А. Категория «злоупотребление правом» в уголовном процессе РФ: межотраслевой взгляд // Вестник Томского гос. ун-та. Право. 2016. № 3 (21). С. 5–12.
2. Баева К.М. Понятие и признаки злоупотребления правом в уголовном судопроизводстве России // Закон и право. 2015. № 10. С. 140–144.
3. Бармина О.Н. Злоупотребление правом. Киров: Радуга-Пресс, 2015. 132 с.
4. Беляев И.Д. Лекции по истории русского законодательства. Москва: Типо-Лит. С.А. Петровецкого и Н.П. Панина, 1879. 729 с.
5. Верещагина А.В. К вопросу о злоупотреблении правом в российском уголовном судопроизводстве // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. 2021. Т. 13, № 4. С. 156–166.
6. Верещагина А.В., Довбыш А.В. Идеино-теоретическая эволюция взглядов В.И. Ленина в контексте первых этапов становления советской государственности // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. 2017. Т. 9, № 4 (39). С. 282–298.
7. Верещагина А.В., Омеляненко М.Е. Институализация юстиции в нормах Руской Правды // Актуальные проблемы российского права. 2020. № 1. С. 11–23.
8. Владимирский-Буданов В. Хрестоматия по истории русского права. Изд. третье, доп. Киев; Санкт-Петербург: Издание книгопродавца Н.Я. Оглоблина, 1887. Вып. 2. 236 с.
9. Двинская уставная грамота 1397 года // Музей истории российских реформ имени П.А. Столыпина. URL: <https://xn--e1aaejmenosqx.xn--p1ai>.
10. Калачов Н.В. Текст Русской Правды на основании четырех списков разных редакций. Изд. 4-е (без перемен). Москва: Тип. Августа Семена, 1846. 52 с.
11. Кузнецов А.В. Преступления против правосудия: курс лекций. Омск: Изд-во Омского гос. ун-та, 2012. 40 с.
12. Намнясева В.В. Проблемы классификации преступлений против правосудия по признакам объекта преступлений // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2011. № 1 (4). С. 232–239.
13. Псковская судная грамота 1397 г. // Хрестоматия по истории СССР. Т. I. Москва: Учпедгиз, 1949. С. 83–85.
14. Русская социально-политическая мысль. XI–XVII вв. Хрестоматия / сост. С.В. Перевезенцев, подгот. текстов: С.В. Перевезенцев, Г.В. Талина, Д.В. Ермашов [и др.]; под ред. А.А. Ширинянца, С.В. Перевезенцева. Москва: Изд. Московского ун-та, 2011. 728 с.
15. Соборное уложение 1649 года // Полное собрание законов Российской империи. Собрание Первое. Т. I. Санкт-Петербург: Типография П.С.ЕИВ канцелярии. 1830.
16. Стрыгина И.В. Проблемы классификаций преступлений против правосудия // Социально-экономические явления и процессы. 2012. № 12 (046). С. 398–403.
17. Уголовное уложение 22 марта 1903 года // Полное собрание законов Российской империи. Собрание Третье. Т. XXIII. Санкт-Петербург: Гос. типография. 1905.
18. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 25.03.2022) // КонсультантПлюс (consultant.ru).
19. Уголовный кодекс РСФСР от 01.06.1922 // Собрание узаконений и распоряжений РКП РСФСР. № 80. Ст. 153.

20. Уголовный кодекс РСФСР от 22.11.1926 // Собрание узаконений и распоряжений РКП РСФСР. 1926. № 80. Ст. 600.
21. Уголовный кодекс РСФСР от 27.10.1960 // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1960. № 40. Ст. 591.
22. Указ Президиума ВС РСФСР от 11.12.1989 № 13241-XI «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс РСФСР и Кодекс РСФСР об административных правонарушениях» // Гарант (garant.ru).
23. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 15 августа 1845 года // Полное собрание законов Российской империи. Собрание Второе. Т. I. Санкт-Петербург: Типография II СЕИВ канцелярии. 1846.

References

1. Azarov V.A. The category of "abuse of law" in the criminal process of the Russian Federation: an interdisciplinary view // *Bulletin of the Tomsk State University. Right*. 2016; 3 (21): 5–12.
2. Baeva K.M. The concept and signs of abuse of law in criminal proceedings in Russia // *Law and Law*. 2015; (10): 140–144.
3. Barmina O.N. Abuse of law. Kirov: Raduga-Press, 2015. 132 p.
4. Belyaev I.D. Lectures on the history of Russian legislation. Moscow: Typo-Lit. S.A. Petrovetsky and N.P. Panin, 1879. 729 p.
5. Vereshchagina A.V. On the issue of abuse of law in Russian criminal proceedings // *The territory of new opportunities. Bulletin of the Vladivostok State University of Economics and Service*. 2021; 13 (4): 156–166.
6. Vereshchagina A.V., Dovbysh A.V. Ideological and theoretical evolution of V.I. Leonin's views in the context of the first stages of the formation of Soviet statehood // *The territory of new opportunities. Bulletin of the Vladivostok State University of Economics and Service*. 2017; 9 (4): 282–298.
7. Vereshchagina A.V., Omelianenko M.E. Institutionalization of justice in the norms of Russkaya Pravda // *Actual problems of Russian law*. 2020; (1): 11–23.
8. Vladimirsky-Budanov V. Anthology on the history of Russian law. third edition, add. Kiev; St. Petersburg: Edition of the bookseller N. Ya. Ogloblin, 1887. Issue 2. 236 p
9. Dvinskaya charter of 1397 // Museum of the History of Russian Reforms named after P.A. Stolypin. URL: <https://xn--e1aaejmenocqx.xn--p1ai>.
10. Kalachov N.V. The text of the Russian Truth based on four lists of different edits. Ed. 4th (without changes). Moscow: Type. August Seeds, 1846. 52 p.
11. Kuznetsov A.V. Crimes against justice: a course of lectures. Omsk: Publishing House of Omsk State University, 2012. 40 p
12. Namnyaseva V.V. Problems of classification of crimes against justice by signs of the object of crimes // *Business. Education. Right. Bulletin of the Volgograd Institute of Business*. 2011; 1 (4): 232–239.
13. Pskov Judgment letter of 1397 // Anthology on the history of the USSR. T. I. Moscow: Uchpedgiz, 1949. pp. 83-85.
14. Russian socio-political thought. XI–XVII centuries. Anthology / comp. S.V. Perevezentsev, podgot. texts: S.V. Perevezentsev, G.V. Talina, D.V. Ermashov [et al.]; edited by A.A. Shirinyants, S.V. Perevezentsev. Moscow: Publishing house of the Moscow University, 2011. 728 p.
15. The Cathedral Code of 1649 // The Complete Collection of laws of the Russian Empire. The First Collection. T. I. St. Petersburg: Printing House of the II SEIV Chancellery. 1830.

16. Strygina I.V. Problems of classifications of crimes against justice // *Socio-economic phenomena and processes*. 2012; 12 (046): 398–403.
17. Criminal Code of March 22, 1903 // The Complete Collection of laws of the Russian Empire. The Third Collection. Vol. XXIII. Saint Petersburg: State Printing House. 1905.
18. Criminal Code of the Russian Federation No. 63-FZ of 13.06.1996 (ed. of 25.03.2022) // ConsultantPlus (consultant.ru).
19. The Criminal Code of the RSFSR of 01.06.1922 // *Collection of legalizations and orders of the RSFSR RCP*; 80. St. 153.
20. Criminal Code of the RSFSR of 11/22/1926 // *Collection of legalizations and orders of the RCP of the RSFSR*. 1926. 80. St. 600.
21. Criminal Code of the RSFSR of 10/27/1960 // *Vedomosti of the Supreme Soviet of the RSFSR*. 1960; 40. St. 591.
22. Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the RSFSR dated 11.12.1989 No. 13241-XI "On Amendments and additions to the Criminal Code of the RSFSR and the Code of the RSFSR on Administrative Offenses" // Garant (garant.ru)
23. The Code of Criminal and Correctional punishments of August 15, 1845 // The Complete Collection of Laws of the Russian Empire. The Second Collection. T. I. St. Petersburg: Printing House of the II SEIV Chancellery. 1846..

Информация об авторе:

Верещагина Алла Васильевна, канд. юрид. наук, зав. кафедрой уголовно-правовых дисциплин ВГУЭС, г. Владивосток. E-mail: vereschagina_alla@mail.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2243-0007>

DOI: <https://doi.org/10.24866/VVSU/2073-3984/2022-1/123-133>

Дата поступления:
19.05.2022

Одобрена после рецензирования:
24.05.2022

Принята к публикации:
25.05.2022